

Кризис социологии франкфуртской школы

Социальная философия франкфуртской школы (Критические очерки). М., «Мысль» (Прага, «Свобода»), 1975. 359 с.

Недавно вышедшая в свет книга «Социальная философия франкфуртской школы» представляет собой первую в нашей философской литературе фундаментальную монографию об одной из наиболее влиятельных школ в современной буржуазной философии. До сих пор исследованию подвергались или философские взгляды некоторых представителей этого учения (Г. Маркузе, Э. Фромма, Т. Адорно), или же отдельные проблемы, связанные с деятельностью школы. Таким образом, уже сразу можно отметить как несомненную заслугу коллектива авторов попытку дать комплексный критический анализ основных философско-социологических и «марксологических» концепций франкфуртской школы.

Являясь важной составной частью борьбы против буржуазной и ревизионистской идеологии, критика философских и социологических взглядов «франкфуртцев» представляет собой известную трудность в силу противоречивости и завуалированности их воззрений. Другая сложность разбора связана с «разношерстностью» и даже некоторой противоположностью между отдельными представителями франкфуртской школы. Надо сказать, что обе эти трудности с успехом преодолеваются авторами монографии, причем без излишних упрощений проблем и выравнивания различных представителей школы.

Вполне оправданным представляется начало критического разбора — с анализа тех идей франкфуртской школы, которые к середине 60-х годов составили основу ее широкого распространения и влияния как теоретического источника движения «новых левых», а также ревизионизма и оппортунизма 60-х годов. Критика государственно-монополистического капитализма как «развитого индустриального общества» (что позволяет представителям франкфуртской школы одновременно выступать и против социализма как якобы тоже разновидности «индустриального общества»), отрицание марксистско-ленинского положения о всемирно-исторической роли пролетариата как могильщика капитализма на основе утверждения его «интегрированности» в капиталистическое общество и обоснование «великой миссии» «аутсайдеров», людей, не ставших рабами «одномерного сознания», — все эти положения отмечаются в книге как основные положения франкфуртской школы, которые снижали ей популярность в западном мире (с. 7—10).

Авторы монографии воочию показывают, что предпринятое франкфуртской школой «обновление» марксизма представляет по сути дела рецидив домарксистского мелкобуржуазного социализма, его приспособление к торжеству идей марксизма в современном мире. «Диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переодеваться* марксистами».¹

Удачно, на наш взгляд, представлена также и эволюция философских идей франкфуртской школы, точная и емкая характеристика каждого из трех этапов ее развития.

Нахождение идейно-теоретических истоков философии франкфуртской школы, ее взаимосвязей с другими направлениями буржуазной философии крайне важно для раскрытия ее сущности и значения, а также ее методологических предпосылок. В качестве ее идейных истоков в книге названы экзистенциализм, фрейдизм, неогегельянская интерпретация гегелевской диалектики, мелкобуржуазное прочтение марксизма. Надо сказать, что внимание к ним распределено не очень равномерно. Если мелкобуржуазные интерпретации марксизма выделены в особую главу, а связь с гегелевской диалектикой и фрейдизмом прослеживается соответственно в главах о «негативной» философии Адорно и концепции личности и общества Э. Фромма, то экзистенциализму уделяется намного меньше внимания. Существенным дополнением к книге может служить недавно вышедшая статья Э. Ю. Соловьева «Экзистенциализм и франкфуртская школа».²

Разоблачение мифа о «неомарксизме» проходит сквозной темой через все главы книги, что дает еще одно средство для цементирования различных очерков о «критической школе» в одно единое целое.

В качестве важнейшего содержания истории школы отмечается ее прогрессирующее расхождение с марксизмом (от допущения правоты некоторых положений Маркса до полного отрицания марксизма как «ложного сознания»), расхождение, которое коренится в исходном пункте — интерпретации марксизма с мелкобуржуазных позиций. Основательной критике подвергнуты в книге и идеалистическое толкование ранних произведений Маркса, а также противопоставление «Экономическо-фи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 3.

² «Вопросы философии», 1975, № 4.

лософских рукописей 1844 г.» более позднему марксизму и в особенности «советскому» марксизму. Парадокс деятельности франкфуртской школы заключается как раз в том, что франкфуртские «подлинные» марксисты и «критики» капитализма выступают как его косвенные апологеты.

На высоком теоретическом уровне написана глава, посвященная Т. Адорно, философу, который выделялся среди теоретиков франкфуртской школы своим интересом к глубинным философским проблемам. Анализ трактовки таких категорий, как «тождество», «отрицание отрицания», наглядно демонстрирует крах «негативной диалектики» Адорно, высвечивает метафизическую и идеалистическую сущность философии франкфуртской школы.

Весьма существенной проблеме воздействия идей франкфуртской школы на общественно-идеологическое движение посвящены три последние главы монографии. В одной из этих глав отмечается, что идейный багаж критических теоретиков широко используется христианинскими теологами, поскольку неомарксисты, отступая от материализма, невольно становятся пособниками фидеизма.

Особое значение в связи с современной идеологической борьбой представляют главы, посвященные выяснению внутреннего единства правого ревизионизма (группа ныне закрытого югославского журнала «Праксис», а также чехословацкие ревизионисты).

В этих главах воочию показывается, что «критическая теория» не только не дает позитивной альтернативы капиталистическому строю, но и приносит вред делу его революционного преобразования, дезориентируя массы проповедью реформизма, способствуя их расколу противопоставленным рабочему классу и интеллигенции, восхвалением мелкобуржуазного бунтарства.

На наш взгляд, нуждалась в специальной главе или хотя бы в отдельном параграфе и другая важная линия внешнего воздействия франкфуртской школы. Речь идет о давних, не всегда постоянных, но в последнее время вновь определившихся связях «критической школы» и германской социал-демократии. Приведенные в книге сведения на этот счет не выходят за пределы элементарных справок о должностных назначениях отдельных лиц. Тема глубокой идейной близости основателей франкфуртской школы к правому руководству социал-демократии ФРГ осталась нераскрытой. Между тем эта идейная близость не так давно была открыто документирована в официальном органе СДПГ, где в ряду теоретических источников германской социал-демократии вместе с именами Маркса, Гегеля и Канта были названы имена ведущих социологов франкфуртской школы — Хоркхаймера, Адорно, Хабермаса.³

В условиях разъедающего СДПГ противоречия между ориентацией руководства на поддержку системы ГМК и все растущими антикапиталистическими настроениями трудящихся — массовой базы социал-демократии, идеология «критической школы», маскирующая свой антикоммунизм марксистской фразеологией, оказывается вполне подходящей для политического камуфляжа в условиях, когда влияние марксизма на рядовых членов партии растет, а руководство вынуждено отказаться от прямых нападок на марксизм.

В систему реформистской идеологии в последнее время интегрируется и недавний идеолог левого бунтарства Г. Маркузе. Нам представляется, что характеристика его взглядов дается в книге слишком прямолинейно — он представлен лишь в качестве идеолога мелкобуржуазного революционаризма. Но фигура Маркузе не столь «одномерна», если воспользоваться его собственным выражением. Теперь он вовсе не революционный нигилист, в чем его недавно обвиняли, и вовсе не оптимистический поклонник американского образа жизни, за что его иногда упрекают.⁴ В идейной эволюции Маркузе, конечно, есть мотивы и анархического нигилизма и оптимистической апологетики. Это противоречивое слияние отражает двойственную природу социально-политической позиции мелкой буржуазии, невольным выразителем которой выступает Маркузе. Колебания, непоследовательность мелкобуржуазных слоев — этой социальной опоры «критической школы», обуславливают как бы перманентную неустойчивость воззрений «франкфуртцев». В их взглядах причудливо соединяются элементы реалистического восприятия мира с импрессионистским его видением. По крайней мере так следует понимать замечание одного из рецензентов о том, что действительность в трудах Маркузе воспроизводится как бы соединением методов Кете Кольвиц и Ван Гора.⁵

В монографии о франкфуртской школе непоследовательность и нелогичность Маркузе, разительная противоречивость его последних работ должны были занять определенное место. Нельзя было не отметить, что потрясенный майскими событиями 1968 г. во Франции Маркузе после этого чуть ли не ежедневно менял или видоизменял свою точку зрения на роль рабочего класса и молодежи в будущей революции, в которую, впрочем, он никогда серьезно не верил.

³ "Die neue Gesellschaft", 1972, N 1, S. 859.

⁴ Fry I. Marcuse: dilemma and liberation. Stockholm, 1974.

⁵ Zeitschrift für philosophische Forschung, 1972, N 1, S. 123.

Нам представляется, что весьма благодарным материалом для изучения взглядов франкфуртской школы и для определения ее места в современных философско-социологических течениях был бы анализ целого ряда дискуссий, проведенных в 60—70-х годах представителями «критической теории» против позитивизма. К сожалению, эти дискуссии должного отражения в монографии не получили, хотя эти споры нашли отчасти свое отражение и в марксистской литературе.⁶ Не ставя перед собой задачу выявить сколько-нибудь полно содержание этих диспутов, выскажем несколько беглых наблюдений.

Порой откровенно-буржуазные философы и социологи оказываются объективнее и проницательнее, чем псевдомарксисты. Так, в полемике с Адорно Р. Дарендорф отклонил концепцию «единого индустриального общества» как «социологическую фантазию».⁷ Во-вторых, эти теоретики нередко более последовательны и логичны, чем представители «критической школы», не имеющие четкой классовой ориентации. В-третьих, — и это, пожалуй, самое существенное, — дискуссии как бы высвечивают внутреннюю структуру, противостоящих друг другу философских систем настолько, что ясно прослеживается сходство в ряде сложнейших структурных элементов. Несомненно, близость теоретических позиций предопределяется прежде всего общей задачей дискутирующих — борьбой с историческим материализмом, а также исходными социально-классовыми позициями и философским субъективно-идеалистическим базисом.

Беглые замечания авторов монографии о близости «критической школы» к неопозитивизму представляются слишком общими и недостаточными (с. 47, 119). Видимо, требуется более детальное обоснование этого тезиса. Наметим хотя бы примерные контуры одного из возможных доказательств.

Принципиальное несогласие франкфуртской школы с марксистской теорией отражения, утверждение о том, что процесс познания это конструирование субъектом закономерностей объекта, сближает ее со сторонниками идей операционализма («вещи суть наши конструкции»). Враждебность материализму (по Адорно, «вещественность мира — видимость»⁸), отрицание объективной диалектики позволяют сопоставлять «франкфуртцев» со многими представителями неопозитивизма и, в частности, с К. Поппером, утверждающим, что диалектика — «пустая форма», не имеющая научной ценности. «Критическая школа» оказывается близкой неопозитивизму в утверждении недостаточности объективной истины в общественной теории и в отрицании закономерностей исторического движения. Провозглашение «беспартийности», необходимости «деидеологизации» — эти положения опять-таки близки неопозитивизму. Преувеличенные представления о буржуазной демократии как идеальной форме государства соответствуют идеализации К. Поппером «открытого общества».

Характерное для Маркузе, Хабермаса, Оффе иллюзорное убеждение в возможности преодоления антагонизмов капитализма с помощью «социально-технических» решений близко к мистическому «техническому принуждению» Г. Шельского и реформистской «социальной технике» Поппера. Подобные сопоставления можно продолжить, но если подвести предварительный итог, то окажется, что едва ли не все названные нами аналоги более всего характерны для вполне определенной разновидности неопозитивизма, а именно — для достаточно влиятельной ныне в международных философских кругах буржуазной школы «критического рационализма» Поппера — Альберта. Субъективный идеализм привел, таким образом, франкфуртскую школу, борющуюся в течение десятков лет с позитивизмом, к сползанию ко многим его важнейшим положениям.

Эта реконструкция, конечно, не является исчерпывающей, но как рабочая гипотеза она заслуживает внимания. Едины и социальные задачи «критической школы» и «критического рационализма». Пользуясь словами другого выходца из франкфуртской школы — Р. Дарендорфа, «главная цель современной социологии — обеспечить статус-кво буржуазного общества и его интересы».⁹

Можно указать на некоторые частные недостатки книги. Недостаточно, например, выявляется позиция франкфуртской школы в дискуссии по вопросам техники и, в частности, обходится принципиально важная полемика Клауса Оффе (ученика Ю. Хабермаса) против видного социолога старшего поколения Г. Шельского. Не повезло и некоторым другим представителям «критической школы» — об их идейной эволюции нет даже небольших справок (Ф. Поллок, В. Бенямин и др.). Быть может, большего внимания требовали и дискуссии внутри самой «критической школы».

⁶ Ley H., Müller Th. Kritische Vernunft und Revolution. Zur Kontroverse zwischen H. Albert und J. Habermas. Köln, 1971.

⁷ Spätkapitalismus oder Industriegesellschaft? Hrsg. von T. Adorno. Stuttgart, 1969.

⁸ Adorno T. Negative Dialektik. Frankfurt/M., 1966, S. 188.

⁹ См.: Задирако П. С. Западногерманская социология на службе антикоммунизма. М., 1973, с. 6.

Однако не частные недостатки определяют значение фундаментальной монографии о франкфуртской школе. Приведенные в книге материалы создают многоплановую и убедительную картину разложения и упадка этой философской школы как раз в канун ее полувекового юбилея. Попытки приспособления мелкобуржуазной идеологии к победному шествию идей марксизма оказались в конечном счете несостоятельными. Псевдомарксизм очутился в тупике, не умея объяснить кризис буржуазной идеологии, не осознавая своей зависимости от общего кризиса капитализма. Субъективный идеализм, утопическое сознание обнаружили свою полную непригодность в качестве общественной теории. Жалким рецептам «революции в сознании» не верят даже сами неомарксисты, которые или впадают в глубокий пессимизм или открыто поступают на службу буржуазному государству. Отказ от научного социализма обернулся отказом от социализма вообще.

Убедительная демонстрация мелкобуржуазного характера франкфуртской школы, субъективно-идеалистических основ ее теоретических построений, буржуазно-реформистской сущности ее идеалов, ее конечного банкротства как общественной теории — большая заслуга авторского коллектива.

С. С. Волк, Н: Д. Ростовцева

Propriety of the Erich Fromm Document Center. For personal use only. Citation or publication of material prohibited without express written permission of the copyright holder.

Eigentum des Erich Fromm Dokumentationszentrums. Nutzung nur für persönliche Zwecke. Veröffentlichungen – auch von Teilen – bedürfen der schriftlichen Erlaubnis des Rechteinhabers.

ВЕСТНИК

ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 23

ЭКОНОМИКА • ФИЛОСОФИЯ • ПРАВО
ВЫПУСК 4 - 1975